

«Аресту подлежат все»: политические репрессии в СССР и судьба так называемых «харбинцев»

© 2015

Д. Кузнецов

В статье рассматривается проблема политических репрессий в отношении так называемых «харбинцев». Выявлены три ключевых этапа, в рамках которых «харбинцы» подвергались преследованиям со стороны советской власти. В ситуации, когда размах репрессий становился все шире, «харбинцы», проживавшие ранее на территории зарубежного государства, не могли оказаться в стороне, и их судьба фактически была предreshена.

Ключевые слова: КВЖД, «харбинцы», эмиграция, реэмиграция, репатриация, депортация, политические репрессии в СССР.

Маховик массовых репрессий, раскрутившийся с небывалой силой в СССР в 1937–1938 гг., перемолол не только миллионы советских граждан, но и десятки тысяч русских эмигрантов и реэмигрантов. Среди них — так называемые «харбинцы». Несмотря на то, что данная тема уже была отражена в ряде работ отечественных исследователей, в последнее время стали доступны новые (в том числе архивные) документы, позволяющие более широко взглянуть на проблему.

Автором использованы архивные материалы, в частности, документы Политбюро ЦК ВКП(б), НКВД СССР и др. Кроме того, мы обращались к ряду исследований, которые в той или иной степени связаны с рассматриваемой проблемой (Н.Н. Аблажей¹, Н.Е. Аблова², Е.Е. Аурилене³, П.П. Балакшин⁴, В.П. Иванов⁵, Г.В. Мелихов⁶, Н.Д. Старосельская⁷, А.А. Хисамутдинов⁸ и др.).

Термин «харбинцы» следует отличать от терминов «харбинские русские» и «русские харбинцы», под которыми понимаются несколько поколений русских, живших в г. Харбине, являвшемся главным узловым городом Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В 1930-е гг. в СССР получили распространение термины «КВЖДист» и «харбинец». В данном случае имелись в виду все люди, имевшие отношение к КВЖД, т.е. лица, в разное время работавшие на КВЖД, причем независимо от того, жили они в Харбине или нет.

Эта довольно многочисленная группа русскоязычного населения, проживавшая на Северо-Востоке Китая, образовалась в результате процесса строительства и эксплуатации КВЖД. Значительная часть лиц, работавших на КВЖД, переселилась сюда еще на рубеже XIX—XX вв. После передачи в 1924 г. КВЖД в совместное советско-китайское управление среди персонала КВЖД оказались и граждане СССР, командированные на работу на Северо-Восток Китая. Одновременно с этим была введена практика предостав-

ления советского гражданства тем, кто ранее им не обладал, но имел отношение к КВЖД, поскольку установление советско-китайских отношений и подписание соглашений о КВЖД с пекинскими и мукденскими властями открыло путь к получению советского гражданства значительному числу бывших российских подданных. Таким образом сложилась в своей основе группа так называемых «харбинцев».

Наряду с ними довольно многочисленной оказалась также еще одна группа русскоязычного населения, проживавшая на Северо-Востоке Китая — беженцы и участники Белого движения, покинувшие Россию под влиянием революционных событий.

Уже в течение 1921–1927 гг. была предпринята первая попытка вернуть эмигрантов на родину, но реэмигранты, вернувшиеся в страну как легально, так и нелегально, подверглись преследованиям со стороны советских властей. Факты службы в Белой армии, эмиграции или нелегального перехода на советскую территорию становились основанием для репрессий. Общее число репрессированных составило тогда несколько тысяч человек⁹.

В 1929 г. в связи с конфликтом на КВЖД в СССР возвратилась большая группа представителей технической интеллигенции¹⁰. В 1932 г. в обстановке развернувшейся шпиономании значительная часть бывших работников КВЖД подверглась репрессиям.

Продажа 23 марта 1935 г. СССР Маньчжоу-го Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), в соответствии с подписанным в Токио соглашением¹¹, вызвала процесс репатриации, участие в котором приняли бывшие сотрудники КВЖД и члены их семей, имевшие или принявшие советское гражданство. Только за 1935 г., по данным НКВД СССР, из Китая выехало 21 343 человека, которые были планомерно распределены в системе железнодорожного транспорта¹². Репатриация продолжилась и в последующие годы. Возвратившись на родину, практически все репатрианты оказались под пристальным вниманием НКВД и в конечном счете были репрессированы.

Важно подчеркнуть, что оказавшись в Харбине в силу самых разных обстоятельств, в том числе связанных с революционными событиями в России, многие «харбинцы» (в их числе те, которые оказались в Китае еще до 1917 г.), не оставляли надежд вернуться на Родину. Во всяком случае, именно об этом говорят бывшие харбинцы, принявшие участие в проекте «Рельсы судьбы: Русские в Китае. 1917–1955 гг.» (2007–2008 гг.), в рамках которого Центр устной истории и биографии «Мемориала» в течение нескольких лет собирал устные свидетельства по истории политических репрессий в СССР. Интервью, записанные с бывшими «харбинцами», свидетельствуют, что каждая семья принимала индивидуальное решение о переезде, основываясь на своих собственных представлениях о правильности сделанного выбора. При этом осуществленная в 1935 г. продажа КВЖД в их представлении как бы заканчивала русский период Харбина. В сознании многих из них отъезд был неизбежным, привычный мир переставал существовать. С другой стороны, идеалы построения справедливого общества в СССР, получившие широкое распространение в мире, оказались привлекательны для многих. Кроме того, появлялась возможность осуществить мечту родителей о возвращении в Россию. Очевидно, сказалось и то, что в СССР была организована громкая компания по встрече харбинцев с митингами и лозунгами. «Мы ехали на Родину, мы ехали с почетом!», — вспоминает одна из участниц этого проекта. Однако по мере продвижения по советской территории постепенно усиливался страх за свою дальнейшую судьбу. Мелькавшие перед глазами картины советской жизни, в большинстве своем вовсе не являвшиеся радужными, вселяли тревогу и осознание того, что уже ничего нельзя изменить. «Мы ехали как кролики», — вспоминает еще одна из участниц этого проекта¹³.

Тем не менее, в течение 1935–1937 гг. происходил процесс интеграции «харбинцев» в советское общество, который можно расценить как достаточно успешный, учитывая то, что многие из вернувшихся на родину специалистов, обладавшие высокой квалификацией и ранее работавшие на КВЖД, смогли найти работу на советских предприятиях транспорта и промышленности.

Тем не менее перспектива вхождения «харбинцев» в советское общество на правах его полноправных членов была осложнена развернувшейся вскоре кампанией массового террора.

Локальные репрессии в отношении бывших служащих КВЖД начались уже с осени 1935 г., что было связано с кампанией «разоблачения шпионов на железнодорожном транспорте». В 1936–1937 гг. в советской периодической печати прокатилась волна публикаций, посвященных деятельности на территории СССР иностранных разведок, в том числе японской, которая, как указывалось, использовала для вербовки агентуры эвакуацию советских граждан с КВЖД. Так, в статье в «Правде» в номере от 9–10 июля 1937 г. указывалось, что среди вернувшихся на Родину бывших служащих КВЖД имеется немало японских агентов¹⁴. Подобного рода материалы фактически готовили почву для перехода к практической реализации так называемой «харбинской операции».

Начало массовым репрессиям, предпринятым в отношении «харбинцев» («харбинская операция»), было положено 20 сентября 1937 г., когда появились два документа, подписанные наркомом внутренних дел СССР Н.И. Ежовым — «Оперативный приказ № 00593 "О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев"» и «Закрытое письмо № 60268 "О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев"». Оба документа (в настоящее время их подлинники находятся в Архиве ФСБ РФ) были утверждены решением Политбюро ЦК ВКП (б) № П. 53/107 от 19 сентября 1937 г.¹⁵

Согласно документам НКВД, в СССР насчитывалось до 25 000 так называемых «харбинцев». К ним относились бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Маньчжоу-Го, которые в тот момент работали на железнодорожном транспорте и в промышленности СССР.

С опорой на «учетные и агентурно-оперативные материалы» был сделан вывод о том, что «прибывшие в СССР харбинцы в значительной части являются бывшими белыми офицерами, полицейскими, жандармами, участниками различных эмигрантских фашистских организаций и т.п.». Подчеркивалось, что «в подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности».

Указывалось, что еще до продажи КВЖД китайская полиция и японская разведка, особенно после захвата Маньчжурии японцами в 1932 г., проводили массовую вербовку среди советских граждан, осуществляя это «в целях создания диверсионных и шпионских кадров на Китайско-Восточной железной дороге для последующей переброски их на территорию СССР», причем особенно широкая вербовочная работа была развернута среди молодежи.

Отмечалось, что завербованные харбинцы обычно направлялись на особые диверсионно-шпионские курсы (школа шоферов Ядловского, автотракторные курсы «Прага», «Интернационал», курсы генерала Сычева и др.), после чего проходили «стажировку», выполняя различные задания, нацеленные на получение практических навыков диверсионной и шпионской деятельности.

Причастными к вербовочной работе японской разведки среди харбинцев, были указаны: японские военные миссии, японские жандармские отряды, японо-маньчжурская полиция, японские торгово-промышленные предприятия, «Всероссийская фашистская партия», «Дальневосточный союз военных», «Эмигрантское бюро», молодежные организации («Черное кольцо», «Союз мушкетеров», «Союз крестоносцев», «Союз христианских молодых людей», «Русский студенческий союз» и др.), спортивные организации («Комета» и др.) и др. Подчеркивалось, что все они готовили террористов, диверсантов и шпионов, перебрасываемых японской разведкой на территорию СССР.

Практикуя в качестве методов вербовки методы провокации, компрометации и шантажа (в том числе применительно к нелегальным работникам партийных, комсомольских и профсоюзных организаций и резидентам ОГПУ в Маньчжурии), используя возможности женской агентуры, японская разведка, как указывалось, использовала двойников, осуществляла перевербовку советской агентуры и внедрение своей агентуры в аппарат советской разведки и контрразведки.

Переброска японской разведкой своей агентуры в СССР, как указывалось в документах, почти во всех случаях проводилась с таким расчетом, чтобы обеспечить агентуре легальный въезд и дать возможность укрепиться, осесть на месте, наладить необходимые связи и до известного времени (иногда в течение нескольких лет) не вести никакой нелегальной работы. В числе применяемых японской разведкой методов переброски с диверсионно-шпионскими заданиями в СССР назывались агенты-женщины, которым для легализации, установления необходимых связей и получения шпионских сведений рекомендовалось выходить замуж за ответственных работников, командиров РККА, инженеров, работающих на предприятиях транспорта и промышленности, особенно на заводах оборонной промышленности и других объектах, имеющих стратегическое значение. Перечислялись также случаи, когда завербованные японской разведкой женщины вели свободный образ жизни, заводили знакомства среди военно-служащих и инженерно-технического персонала и вступали с ними в сожительство, собирая таким образом ценные сведения, которые затем направляли в Харбин. Одна из таких женщин-агентов, имевшая специальное задание собрать ряд разведывательных сведений по частям Приволжского военного округа, вступила в сожительство с несколькими командирами расположенных в Сталинграде частей РККА.

В качестве доказательства подрывной работы харбинцев в СССР приводились следственные материалы. Подчеркивалось, что на железнодорожном транспорте и в промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность несколько тысяч харбинцев. Отмечалось, что следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполнявшуюся работу японской разведки по организации на территории СССР диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Подробности были изложены в приложенном к «Оперативному приказу № 00593 "О мероприятиях в связи с террористической, диверсионной и шпионской деятельностью японской агентуры из харбинцев"» «Закрытом письме № 60268 "О террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев"», которое представляет собой сопроводительное письмо общим объемом в 35 страниц. В этом документе рисовалась фантастическая по своему характеру и масштабам картина деятельности японской разведки на территории СССР через внедрившихся «харбинцев».

В частности, указывалось, что переброшенным в СССР харбинцам японской разведкой давались следующие задания: 1. Установить контакт с антисоветским правотроцкистским подпольем в целях использования его для террористической деятельности,

диверсии, шпионажа и вредительств. 2. Создавать самостоятельные террористические группы и совершать теракты против руководителей партии и правительства. 3. Готовить кадры для подготовки диверсионных актов, главным образом в военное время, на военных заводах и предприятиях оборонного значения, железных дорогах (мосты, паровозные депо, водокачки, механизированные гаражи и т.п.). 4. Подготавливать на военное время особые диверсионные группы, располагающие средствами бактериологической диверсии — заражения источников водоснабжения, хлебофуражных и продовольственных складов бактериями эпидемических болезней. 5. Устраивать крушения поездов и поджоги важнейших технических сооружений и складов на железнодорожных узлах, совершать диверсии на транспорте, в промышленности и на объектах Красной Армии. 6. Вести широкую шпионскую работу, собирая сведения о работе предприятий военной и оборонной промышленности, а также о перевозках воинских грузов, дислокациях, передвижениях и перебросках частей РККА.

Один из конкретных примеров, представленных в указанных документах НКВД, относился к деятельности шпионских организаций, действующих в приграничных районах и областях Дальнего Востока и Восточной Сибири. Так, в Благовещенске была ликвидирована организация, созданная японцами через так называемую «Всероссийскую фашистскую партию», возглавляемую К.В. Родзаевским. Согласно версии НКВД, помимо связи через консульство Маньчжоу-го в Благовещенске, она посылала в этот приграничный город своих эмиссаров, используя для этой цели нелегально переходивших границу японских агентов. Организация имела свою агентуру на ряде оборонных объектов Амурской области и вела свою шпионско-диверсионную работу.

С учетом этих обстоятельств, подчеркивая, что «все изложенные выше данные указывают, что в лице харбинцев мы имеем серьезную угрозу безопасности наших предприятий... особенно в предвоенный и военный периоды», народный комиссар внутренних дел Н.И. Ежов издал приказ, в соответствии с которым в течение 1 октября — 25 декабря 1937 г. (этот срок неоднократно продлевался) должна быть осуществлена «широкая операция по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности».

Аресту подлежали все «харбинцы», разделенные на 13 категорий: а) избалованные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности; б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнотруженики разных белых формирований; в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.); г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований; д) участники разных эмигрантских фашистских организаций; е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Манчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го; ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма «Чурин и Ко.» и др.); з) окончившие в Харбине известные курсы «Интернационал», «Славия», «Прага»; и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и проч.); к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов; л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство; м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т.п.; н) участники контрреволюционных сектантских группировок. Речь, таким образом, шла не только о бывших работниках КВЖД. Согласно НКВД, в число «харбинцев» вошли фактически все категории лиц, которые до своего прибытия в СССР проживали в Китае и могли быть отнесены к «антисоветским элементам».

Аресты предполагалось произвести в отношении тех «харбинцев», которые работали в НКВД, служили в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности, а также в советских учреждениях, совхозах, колхозах.

«Харбинцы», не подпадавшие под перечисленные категории, независимо от наличия компрометирующих данных, подлежали немедленному удалению из предприятий транспорта и промышленности. Одновременно предпринимались меры к недопущению их впредь на эти объекты.

Как и в случае с другими группами арестованных лиц в ходе массовых репрессий, все арестованные харбинцы должны были быть разбиты на две категории. К 1-й категории были отнесены все харбинцы, избранные в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежали расстрелу. К 2-й категории были отнесены все остальные, менее активные харбинцы, которые подлежали заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет. Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производилось на основании агентурных и следственных данных Народным Комиссаром внутренних дел республики, начальником УНКВД, области или края, начальником ДТО ГУГБ НКВД совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги. Особо подчеркивалось, что «после утверждения списков НКВД СССР и прокурором СССР приговор приводить в исполнение — НЕМЕДЛЕННО». Также указывалось на прекращение освобождения из тюрем и лагерей ранее осужденных харбинцев, отбывших наказание за шпионаж, диверсию и вредительство. На этих лиц необходимо было представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

Как подчеркивает российская исследовательница Н.Н. Аблажей, «с самого начала массовых репрессий рассмотрение дел арестованных было поставлено на поток, следственные действия совершались в короткие сроки и в упрощенном порядке». В сущности, подавляющее большинство дел, открытых в отношении так называемых «харбинцев», подвергшихся аресту, было сфабриковано. Н.Н. Аблажей разделяет следственные дела харбинцев на две разновидности — индивидуальные и коллективные. Последние получили наибольшее распространение. В качестве обвиняемых по таким делам, как правило, фигурирует группа, обычно не превышавшая десяти человек. В делах подробно описываются контакты подследственных с иностранцами и «харбинцами», прибывшими в СССР, прилагаются документы о пребывании за границей, сведения об арестах и деятельности в период конфликта на КВЖД в 1929 г. В свою очередь, сведения, приводимые в протоколах допросов, обычно касаются службы на КВЖД, членства в комсомольских, партийных и профсоюзных организациях, действовавших в полосе отчуждения КВЖД, а также о связях с бывшими российскими, китайскими и японскими подданными, белогвардейскими организациями, действующими на Северо-Востоке Китая, наконец, об арестах и задержаниях китайской полицией, о времени прибытия в СССР, об имеющихся контактах с харбинцами. Особое внимание уделялось выявлению фактов создания групп и организаций. При этом следствие строилось по типовым сценариям, когда на железных дорогах после «выявления» центральной резидентуры, якобы действовавшей в узловом транспортном центре, «вскрывалась» сеть мелких периферийных групп, якобы работавших на крупных железнодорожных узлах¹⁶.

Судебное производство носило формальный характер и зачастую харбинцы осуждались списком — в так называемом «альбомном порядке». В соответствии с введен-

ным в практику новым процессуальным порядком осуждения, справки-заключения на арестованных каждые десять дней представлялись на рассмотрение комиссии из двух человек — начальника НКВД—УНКВД и прокурора («двойка»), которая определяла категорию обвинения: 1-я или 2-я. Скомплектованные в специальный список («альбом») материалы с кратким изложением следственных материалов, характеризующих степень виновности арестованного, направлялись на утверждение в Москву. Далее в центральном аппарате НКВД составлялись протоколы заседаний «Комиссии НКВД и Прокурора Союза ССР», а окончательное решение выносили народный комиссар внутренних дел СССР Н.И. Ежов и прокурор СССР А.Я. Вышинский или их заместители. Приговоры исполнялись по возвращении «альбомов» в региональные УНКВД. Такой процессуальный порядок осуждения и получил название «альбомного». Официально он был установлен в соответствии с Оперативным приказом народного комиссара внутренних дел СССР № 00485 от 11 августа 1937 г. Спустя год, когда в Москве скопились данные о десятках тысяч следственных дел, во всех республиках, краях и областях для их рассмотрения были образованы так называемые «Особые тройки», функционировавшие два месяца.

Важно подчеркнуть, что репрессии были распространены и в отношении семей арестованных харбинцев. Реализация этих мероприятий осуществлялась в соответствии с положениями Оперативного приказа народного комиссара внутренних дел СССР № 00486 от 15 августа 1937 г.¹⁷ Семьи арестованных харбинцев прошли весь путь членов семьи изменников родины вместе с миллионами других советских семей осужденных «врагов народа».

Первые цифры, отражающие общее количество жертв политических репрессий в годы «Большого террора» среди так называемых «харбинцев», были представлены в 1956 г. Согласно данным комиссии ЦК КПСС о расследовании причин массовых репрессий, работавшей накануне XX съезда КПСС, в течение 1937–1938 гг. было рассмотрено 30 938 дел харбинцев, по которым 19 312 человек осуждены к расстрелу, 10 669 — осуждены к другим мерам наказания¹⁸. Согласно данным Международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», по «харбинской линии» в 1937—1938 гг. было осуждено 49 470 человек, из них 31 226 приговорены к расстрелу¹⁹. Отечественная исследовательница Н.Н. Аблажей называет несколько меньшие цифры. По ее мнению, в ходе «харбинской операции» репрессиям подверглось 42 507 человек, в том числе к высшей мере наказания приговорено 28 348 человек. Наибольшее количество харбинцев было «выявлено» в промышленно-развитых районах Дальнего Востока, Сибири, Урала и Центральном регионе, что в целом совпадало со структурой распределения харбинцев²⁰. При этом всего в течение 1937–1938 гг., на которые пришелся пик сталинских репрессий, по делам органов НКВД было арестовано 1575 259 человек, из них 681 692 человека приговорены к расстрелу²¹.

В числе репрессированных харбинцев оказались как рядовые сотрудники, так и руководители КВЖД, назначавшиеся на должности Советским правительством, в том числе первый и последний советские управляющие КВЖД Алексей Николаевич Иванов и Юлий Викентьевич Рудый.

Среди харбинцев, подвергшихся репрессиям, было немало и тех, кто на момент репатриации не имел прямого отношения к КВЖД. Трагической оказалась судьба ректора Харбинского политехнического института Леонида Александровича Устругова, в свое время занимавшего пост министра путей сообщения в правительстве А.В. Колчака. После приезда в СССР он получил высокий пост в Народном комиссариате путей сообщения СССР, но 7 октября 1937 г. был арестован и 15 февраля 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу как шпион трех (!!) иностранных разведок —

японской, германской и польской, завербовавший к тому же более 50 студентов ХПИ в японскую разведку. Был также репрессирован Николай Васильевич Устрялов — правовед, философ, идеолог «сменовеховства». Находясь в эмиграции в Харбине, он преподавал международное право на юридическом факультете, вел активную общественно-политическую деятельность, писал статьи в журналы, газеты, сборники и, кроме того, в 1926–1935 гг. работал в различных учреждениях КВЖД. После приезда в СССР он работал профессором в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время — в Московском университете, однако, 6 июня 1937 г. был арестован и 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР признан виновным в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» и в тот же день расстрелян.

Таким образом, репрессии в отношении так называемых «харбинцев» являлись составляющей частью политики «Большого террора», проводившейся на территории СССР в 1937–1938 гг. (московские процессы, репрессии в РККА, «Дело Тухачевского», репрессии в отношении бывших кулаков, «социально-вредных элементов», уголовников и других антисоветских элементов). Репрессии в отношении «харбинцев» фактически укладывались в рамки репрессий по «национальным линиям», направленных против поляков, немцев, латышей, литовцев, эстонцев, финнов, греков, румын, болгар, китайцев, иранцев, афганцев и др. Целью «национальных операций» (всего их насчитывается 13, в ходе которых в СССР, по данным НКВД СССР с 25 августа 1937 г. до 17 ноября 1938 г. подверглись репрессиям более 365 тыс. человек)²² провозглашалась борьба с диверсионно-повстанческими и шпионскими кадрами разведок капиталистических стран (Англия, Франция, Германия, Польша, Япония). Против «харбинцев» фактически была развернута отдельная операция. Никаких разнарядок по «национальным операциями», в отличие от других операций, проводимых в период «Большого террора», не давалось: начальникам местных органов НКВД предоставлялась свобода действий.

Подчеркнем также, что не менее трагичной оказалась судьба тех, кто остался в Харбине. Послевоенная реэмиграционная политика, инициированная СССР в отношении отдельных категорий соотечественников, проживавших за рубежом, в том числе в отношении русских эмигрантов в Китае, сопровождалась советизацией эмигрантского сообщества в этой стране, а действия по репатриации советских граждан из Китая в первые послевоенные годы не исключали проведение репрессивной кампании.

После вступления в Маньчжурию советских войск во второй половине августа 1945 г. вслед за армейскими частями в Маньчжурию вошли подразделения контрразведки СМЕРШ, которые приступили к «зачистке» Харбина и других населенных пунктов от «антисоветских элементов».

Ради справедливости, важно подчеркнуть, что в числе арестованных находилась довольно значительная по своей численности группа тех представителей русской эмиграции в Китае, кто действительно принимал активное участие в деятельности, нацеленной против Советского государства. В их числе — попавшие в советский плен руководители «Российской фашистской партии» (К.В. Родзаевский, А.П. Бакшеев, Л.Ф. Власьевский, И.А. Михайлов, Л.П. Охотин, Б.А. Шепунов, князь Н.А. Ухтомский и др.), которые в 1946 г. были казнены или приговорены к длительным срокам заключения (Приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу атамана Г.М. Семёнова, К.В. Родзаевского и других)²³. Однако среди репрессированных оказались не только бывшие участники Белого движения («колчаковцы», «каппелевцы» и «семеновцы»), но и бывшие сотрудники КВЖД. Репрессиям подверглись многие журналисты, издатели, деятели культуры, науки и образования, которые в той или иной мере имели сношения с японскими властями²⁴.

В докладной записке от 27 февраля 1946 г. начальника ГУКР «СМЕРШ» (ген.-полк. В.С. Абакумова) в НКО СССР (Сталину) говорилось, что органами «СМЕРШ» Забайкальско-Амурского, Приморского и Дальневосточного военных округов на территории Маньчжурии и Кореи, занятой советскими войсками, на 25 февраля 1946 г. было арестовано: сотрудников и агентов японских разведывательных и контрразведывательных органов — 5921 человек; руководящих и активных участников белогвардейских и других вражеских организаций, а также изменников Родины — 2824 человек²⁵. И хотя данные о национальном составе арестованных и месте их проживания в документе не приводятся, очевидно, что подавляющую часть первой категории арестованных составляли японцы, а большую часть второй — русские, проживавшие на территории Маньчжурии. По данным Н.Н. Аблажей, было арестовано и депортировано в СССР около 10 тыс. человек²⁶.

Таким образом, в 1945–1947 гг. прокатилась еще одна волна репрессий, в которую оказались вовлечены так называемые «харбинцы», однако по своим масштабам она оказалась гораздо меньше той, что имела место в период «Большого террора».

На 1954–1955 гг. приходится еще одна волна «исхода» так называемых «харбинцев» на родину, которая, учитывая изменения, произошедшие к тому моменту в Советском государстве, не сопровождалась репрессиями. Толчком к этому послужила окончательная передача КВЖД в 1952 г. правительством СССР правительству КНР. Факторы, влиявшие на принятие харбинцами решения о возвращении на родину, были различными. Половина семей выехала в СССР в надежде соединиться со своими родственниками, арестованными в 1945–1947 гг. В некоторых случаях на выезде особенно настаивал кто-то из членов семьи, в то время как остальные были не в состоянии принять твердое решение. «Патриотическая» составляющая во всех случаях была достаточно высока, однако, несмотря на это опасения оставались и, как показали дальнейшие события, частично оправдались.

Практически все выехавшие тогда в СССР харбинцы, в соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 18 апреля 1954 г. № 751–329с и Постановлением Совета министров СССР от 15 февраля 1955 г. № 238–143с, вместе с другими репатриантами, прибывшими в СССР из КНР, оказались на целине, в степных районах Казахстана, Урала, Сибири и Дальнего Востока, где осуществлялась массовая распашка целинных и залежных земель. Немногие из них смогли найти работу по специальности и были вынуждены заниматься непривычным физическим трудом. В сочетании с крайне тяжелыми бытовыми условиями это вынуждало «китайцев», как их тогда называли соотечественники, буквально выживать и при первой возможности они старались уезжать в город²⁷.

С меньшими трудностями прошел процесс адаптации к жизни в советском обществе у молодых людей. Они довольно безболезненно смогли, в отличие от представителей старших поколений, интегрироваться в советское общество, приобщиться к советским стандартам жизни, чтобы, как подчеркивает одна из участниц проекта «Рельсы судьбы», «более-менее нормально жить».

Что же касается представителей русской диаспоры в Китае, не пожелавших выезжать из КНР в СССР, то в течение последующих лет, за годы, прошедшие после создания Китайской Народной Республики, большинство русских эмигрировали в Австралию, США, Канаду и ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Подводя итог всему вышесказанному, следует указать на три ключевых этапа, в рамках которых так называемые «харбинцы» подвергались преследованиям со стороны советской власти: 1. До 1937 г. 2. 1937–1938 гг. 3. 1945–1947 гг. Наибольшим трагизмом, если говорить о судьбе «харбинцев», был наполнен период «Большого террора». В ситуации, когда размах репрессий становился все более широким, «харбинцы», проживавшие

ранее на территории зарубежного государства, не могли оказаться в стороне от репрессивной политики, проводимой советскими властями. Их судьба была фактически предрешена. Волна «Большого террора» поглотила практически их всех.

1. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007; *Аблажей Н.Н., Комиссарова Е.Н.* Амнистия белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–51; *Аблажей Н.Н.* Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 1. С. 57–61; *Аблажей Н.Н.* Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85; *Аблажей Н.Н.* Репатриация советских граждан из Китая в СССР в 1947–1948 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 90–92.; *Аблажей Н.Н.* Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных земель (1954–1962 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 104–106.
2. *Аблова Н.Е.* История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Мн.: БГУ, 1999; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: Рус. панорама, 2005.
3. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае: (1920–1950-е гг.). Хабаровск: Изд. дом «Частная коллекция», 2008.
4. *Балакишин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. В 2-х т. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2013. Т. 1–2.
5. *Иванов В.П.* Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920–1940-е гг. М.: МГОУ, 2003.
6. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая. М.: Вост. лит. РАН, 1994; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: Ин-т рос. истории РАН, 1997; *Мелихов Г.В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке, 1925–1932. М.: Рус. путь: Викмо-М, 2007.
7. *Старосельская Н.Д.* Повседневная жизнь «Русского» Китая. М.: Мол. гвардия, 2006.
8. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001.
9. *Аблажей Н.Н., Комиссарова Е.Н.* Амнистия белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 49–51.
10. *Аблажей Н.Н.* Конфликт 1929 г. на КВЖД и его последствия // Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 1. С. 57–61.
11. Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав Союза Советских Социалистических Республик в отношении Китайской Восточной железной дороги (Северо-Маньчжурской железной дороги) // Документы внешней политики СССР. Т. 18. 1 янв. — 31 дек. 1935 г. М.: Политиздат, 1973. С. 204–213.
12. *Аблажей Н.Н.* Масштабы и последствия возвратной миграции из Китая в СССР // Сибирское общество в контексте модернизации. XVIII—XX вв. Сб. материалов конф. / Под ред. чл.-кор. РАН В.А. Ламина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2003. URL: <http://hum.sbras.ru/kapital/project/modern/>.
13. *Козлова А.* Русский взгляд в харбинское прошлое // Уроки истории. XX век. URL: <http://urokiistorii.ru/2009/10/russkii-vzglyad-v-kharbinskoe-proshloe>.
14. Подрывная работа японской разведки // Правда. 1937. 9–10 июля. № 188 (7184).
15. Директивы Политбюро и НКВД о репрессиях. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П. 53/107 от 19 сент. 1937 г. «О начале харбинской операции». URL: <http://www.memo.ru/history/document/harbin.htm>.
16. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 135–136.
17. Оперативный Приказ Народного Комиссара Внутренних дел СССР № 00593 от 20 сентября 1937 года // Мемориал-аспект. 1993. № 1(3).

18. Доклад Комиссии ЦК КПСС Президиуму ЦК КПСС по установлению причин массовых репрессий против членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии от 9 февраля 1956 г. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/>.
19. Интернет-версия 4-го издания диска «Жертвы политического террора в СССР», выпущенного в 2007 году Международным обществом «Мемориал» совместно с Уполномоченным по правам человека в РФ. URL: <http://lists.memo.ru/index.htm>.
20. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Рос. эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 133.
21. Справки 1 спецотдела МВД СССР о количестве арестованных и осужденных органами ВЧК — ОГПУ — НКВД СССР в 1921–1953 гг. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/>.
22. *Аблажей Н.Н.* Харбинская операция НКВД в 1937–1938 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 80–85.
23. Центральный архив ФСБ РФ. Следственное дело Н-18765 в отношении Семёнова Г.М., Родзевского К.В. и др. Т. 22. Л. 442–462.
24. *Гребенюкова Н.* Дело «харбинцев» // Словесница искусств: Региональный культ.-просвет. журн. 2012. № 2 (30). URL: <http://www.slovoart.ru/>.
25. Страницы истории: "СМЕРШ" 65 лет // ФСБ: За и Против. 2008. № 1 (1). С. 74–85.
26. *Аблажей Н.Н.* Русские эмигранты из Китая: Репатриация, карательная политика и трудоустройство во второй половине 1940-х годов // Вестн. Рос. гуманитарного фонда. 2006. № 4. (45). С. 24–35.
27. *Аблажей Н.Н.* Репатрианты из КНР в районах освоения целинных и залежных земель (1954–1962 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 2. С. 104–106.